

Михаил Петрович Арцыбашев

Санин

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Михаил Петрович Арцыбашев

Санин / Михаил Петрович Арцыбашев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 208 с.

ISBN 978-5-4241-1604-9

Михаил Арцыбашев - один из самых популярных беллетристов начала XX века, чье творчество многие годы подвергалось жестокой критике и лишь сравнительно недавно получило заслуженное признание.

ISBN 978-5-4241-1604-9

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Арцыбашев Михаил
Санин

Михаил Петрович Арцыбашев
Санин
Только это нашел я,
что Бог создал человека правым,
а люди пустились во многие помыслы.

7.29. Екклезиаст

I

То, самое важное в жизни, время, когда под влиянием первых столкновений с людьми и природой слагается характер, Владимир Санин прожил вне семьи. Никто не следил за ним, ничья рука не гнула его, и душа этого человека сложилась свободно и своеобразно, как дерево в поле.

Он не был дома много лет и когда приехал, мать и сестра Лида почти не узнали его; чертами лица, голосом и манерами он изменился мало, но в нем сказывалось что-то новое, незнакомое, что созрело внутри и осветило лицо новым выражением.

Приехал он к вечеру и так спокойно вошел в комнату, как будто вышел из нее пять минут тому назад. В его высокой светловолосой и плечистой фигуре, со спокойным и чуть-чуть, в одних только уголках губ, насмешливым выражением лица, не было заметно ни усталости, ни волнения, и те шумные восторги, с которыми встретили его мать и Лида, как-то сами собой улеглись.

Пока он ел и пил чай, сестра сидела против него и смотрела, не сводя глаз. Она была влюблена в брата, как могут влюбляться только в отсутствующих братьев молодые экзальтированные девушки. Лида всегда представляла себе брата человеком особенным, но особенным именно тою особенностью, которая с помощью книг была создана ею самою. Она хотела видеть в его жизни трагическую борьбу, страдание и одиночество непонятого великого духа.

- Что ты на меня так смотришь? - улыбаясь, спросил ее Санин.

Эта внимательная улыбка, при уходящем в себя взгляде спокойных глаз, была постоянным выражением его лица.

И, странно, эта улыбка, сама по себе красивая и симпатичная, сразу не понравилась Лиде. Она показалась ей самодовольной и ничего не говорящей о страданиях и переживаемой борьбе. Лида промолчала, задумалась и, отведя глаза, стала машинально перелистывать какую-то книгу.

Когда обед кончился, мать ласково и нежно погладила Санина по голове и сказала:

- Ну, расскажи, как ты там жил, что делал?

- Что делал? - переспросил Санин, улыбаясь, - что ж... пил, ел, спал, иногда работал, иногда ничего не делал...

Сначала казалось, что ему не хочется говорить о себе, но когда мать стала расспрашивать, он, напротив, очень охотно стал рассказывать. Но почему-то чувствовалось, что ему совершенно безразлично, как относятся к его рассказам. Он был мягок и внимателен, но в его отношениях не было интимной, выделяющей из всего мира близости родного человека, и казалось, что эти мягкость и внимательность исходят от него просто, как свет от свечи, одинаково ровно на все.

Они вышли на террасу в сад и сели на ступеньках. Лида примостилась ниже и отдельно и молча прислушивалась к тому, что говорил брат. Неуловимая струйка холода уже прошла в ее сердце. Острым инстинктом молодой женщины

она почувствовала, что брат вовсе не то, чем она воображала его, и она стала дичиться и смущаться, как чужого.

Был уже вечер, и мягкая тень спускалась вокруг.

Санин закурил папиросу, и легкий запах табаку примешивался к душистому летнему дыханию сада.

Санин рассказывал, как жизнь бросала его из стороны в сторону, как много приходилось ему голодать, бродить, как он принимал рискованное участие в политической борьбе и как бросил это дело, когда оно ему надоело.

Лида чутко прислушивалась и сидела неподвижно, красивая и немного странная, как все красивые девушки в весенних сумерках.

Чем дальше, тем больше и больше выяснялось, что жизнь, рисовавшаяся ей в огненных чертах, в сущности была простой и обыкновенной. Что-то особенное звучало в ней, но что - Лида не могла уловить. А так выходило очень просто, скучно и, как показалось Лиде, даже банально. Жил он где придется, делал что придется, то работал, то слонялся без цели, по-видимому, любил пить и много знал женщин. За этой жизнью вовсе не чудился мрачный и зловещий рок, которого хотелось мечтательной женской душе Лиды. Общей идеи в его жизни не было, никого он не ненавидел и ни за кого не страдал.

Срывались такие слова, которые почему-то казались Лиде просто некрасивыми. Так, мельком Санин упомянул, что одно время он так бедствовал и обносился, что ему приходилось самому починять себе брюки.

- Да ты разве умеешь шить? - с обидным недоумением невольно отозвалась Лида, ей показалось это некрасивым, не по-мужски.

- Не умел раньше, а как пришлось, так и выучился, - с улыбкой ответил Санин, догадавшись о том, что чувствовала Лида.

Девушка слегка пожалала плечами и замолчала, неподвижно глядя в сад. Она почувствовала себя так, точно проснувшись утром с мечтой о солнце, увидела небо серым и холодным.

Мать тоже чувствовала что-то тягостное. Ее больно кольнуло, что сын не занимал в обществе того почетного места, которое должен был бы занять ее сын. Она начала говорить, что дальше так жить нельзя, что надо хоть теперь устроиться хоть сколько-нибудь прилично. Сначала она говорила осторожно, боясь оскорбить сына, но, когда заметила, что он слушает невнимательно, сейчас же раздражилась и стала настаивать упрямо, с тупым старушечьим озлоблением, точно сын нарочно поддразнивал ее. Санин не удивился и не рассердился, он даже как будто и слышал ее плохо. Он смотрел на нее ласковыми безразличными глазами и молчал. Только на вопрос:

- Да как же ты жить будешь? Ответил улыбаясь:

- Как-нибудь!

И по его спокойному твердому голосу и светлым немигающим глазам почувствовалось, что эти два, для нее ничего не значащие слова, для него имеют всеобъемлющий, определенный и глубокий смысл.

Марья Ивановна вздохнула, помолчала и печально сказала:

- Ну, твое дело... Ты уже не маленький... Вы бы пошли по саду прогулялись, теперь там хорошо.

- Пойдем, Лида, и в самом деле... Покажи мне сад, - сказал Санин сестре, - я уже и позабыл, как там.

Лида очнулась от задумчивости, тоже вздохнула и встала.

Они пошли рядом, по аллее в сырую и уже темную зеленую глубину.

Дом Саниных стоял на самой главной улице города, но город был маленький, и сад выходил прямо к реке, за которой уже начинались поля. Дом был старый, барский, с задумчивыми облупившимися колоннами и обширной террасой, а сад большой, заросший и темный, как темно-зеленая туча, прикипшая к земле. По вечерам в саду было жутко и тогда казалось, что там, в чаще и на пыльных чердаках старого дома, бродит какой-то доживающий, старый и унылый дух.

В верхнем этаже дома пустовали обширные, потемневшие залы и гостиная, во всем саду была прочищена только одна неширокая аллея, украшенная лишь сухими веточками да растоптанными лягушками, и вся теперешняя жизнь, скромная и тихая, ютилась в одном уголке. Там, возле самого дома, желтел посыпанный песок, пестрели кудрявые клумбы, осыпанные разноцветными цветами, стоял зеленый деревянный стол, на котором в хорошую погоду летом пили чай и обедали, и весь этот маленький уголок теплел простою мирной жизнью, не сливаясь с угрюмой красотой обширного запустелого места, предоставленного естественному разрушению и неизбежному исчезновению.

Когда дом скрылся в зелени и вокруг Лиды и Санина встали одни молчаливые неподвижные и задумчивые, как живые существа, старые деревья, Санин вдруг обнял Лиду за талию и странным, не то ласковым, не то зловещим, голосом сказал:

- А ты красавицей выросла!.. Счастлив будет тот мужчина, которого ты первого полюбишь...

Горячая струйка пробежала от его мускулистой, точно железной руки по гибкому и нежному телу Лиды. Она смутилась, вздрогнула и чуть-чуть отшатнулась, точно почувствовав приближение невидимого зверя.

Они уже вышли на самый берег реки, где пахло сыростью и водой, задумчиво раскачивалась островерхая осока и открывался другой берег с далекими искрами первых звезд.

Санин отошел от Лиды, зачем-то взялся обеими руками за толстый сухой сук дерева и, с треском отломив его, бросил в воду. Всколыхнулись и побежали во все стороны плавные круги, и, точно приветствуя Санина, как своего, торопливо закланялась прибрежная осока.

II

Было около шести часов. Солнце светило ярко, но от сада уже опять надвигалась мягкая зеленоватая тень Свет, тишина и тепло чутко стояли в воздухе. Марья Ивановна варила варенье, и под зеленой липой вкусно и крепко пахло кипящим сахаром и малиной.

Санин с самого утра возился над клумбами, стараясь поднять поникшие от зноя и пыли цветы

- Ты бы бурьян раньше повыдергал, - посоветовала Марья Ивановна, поглядывая на него сквозь синеватую дрожашую дымку жаровни. - Ты прикажи Груньке, она тебе и сделает...

Санин поднял потное и веселое лицо.

- Зачем, - сказал он, встряхивая волосами, прилипшими ко лбу, - пусть себе растет, я всякую зелень люблю.

- Чудак ты! - добродушно пожимая плечами, возразила мать, но почему-то ей

было очень приятно то, что он сказал.

- Сами вы все чудаки! - ответил Санин тоном полного убеждения, потом пошел в дом мыть руки, вернулся и сел у стола, удобно и спокойно расположившись в плетеном кресле.

Ему было хорошо, легко и радостно Зелень, солнце, голубое небо таким ярким лучом входили в его душу, что вся она раскрывалась им навстречу в ощущении полного счастья. Большие города, с их торопливым шумом и суетливой цепкой жизнью, опротивели ему. Вокруг были солнце и свобода, а будущее не заботило его, потому что он готов был принять от жизни все, что она могла дать ему.

Санин жмурился и потягивался, с глубоким наслаждением вытягивая и напрягая свои здоровые, сильные мускулы.

Вяло тихой и мягкой прохладой и казалось, что весь сад вздыхает кротко и глубоко. Воробьи чирикали где-то, и близко и далеко, воровато и торопливо переговариваясь о своей маленькой, страшно важной, но никому не понятной жизни; а пестрый фокстерьер Милль, высунув красный язык и подняв одно ухо, снисходительно слушал их из гуши свежей зеленой травы. Листья тихо шелестели над головой, а их круглые тени беззвучно шевелились на ровном песке дорожки.

Марью Ивановну болезненно раздражало спокойствие сына. Как и всех своих детей, она очень любила его, но именно потому у нее кипело сердце и ей хотелось возмутить его, задеть его самолюбие, оскорбить, - лишь бы заставить придать цену ее словам и ее понятию о жизни. Каждое мгновение своего долгого существования она, как муравей, зарывшийся в песок, неустанно копошилась над созданием хрупкого, рассыпчатого здания своего домашнего благосостояния. Это скучное, длинное и однообразное здание, похожее и на казарму и на больницу, составлялось из мельчайших кирпичиков, которые ей, как бездарному архитектору, казались украшением жизни, а на самом деле то стесняли, то раздражали, то пугали и всегда заботили ее до тоски. Но все-таки она думала, что иначе жить нельзя.

- Ну что ж... так и дальше будет? - спросила она, поджав губы и притворно внимательно глядя в таз с вареньем.

- Как дальше? - спросил Санин и чихнул.

Марье Ивановне показалось, что и чихнул он нарочно, чтобы ее обидеть, и хотя это было, очевидно, нелепо, она обиделась и надулась.

- А хорошо у вас тут! - мечтательно сказал Санин.

- Недурно... - считая нужным сердиться, сдержанно ответила Марья Ивановна, но ей было очень приятно, что сын похвалил дом и сад, с которыми она жила, как с родными милыми существами.

Санин посмотрел на нее и задумчиво сказал:

- А если бы вы не приставали ко мне со всякими пустяками, то и еще лучше было бы.

Незлобивый голос, которым это было сказано, противоречил обидным словам, и Марья Ивановна не знала, сердиться ей или смеяться.

- Как посмотрю я на тебя, - с досадой сказала она, - и в детстве ты был какой-то ненормальный, а теперь...

- А теперь? - спросил Санин так весело, точно ожидал услышать что-то очень приятное и интересное.

- А теперь и совсем хорошо! - колко ответила Марья Ивановна и махнула ложкой.

- Ну, тем и лучше! - усмехнулся Санин и, помолчав, прибавил: - А вот и Новиков идет.

От дома шел высокий, красивый и белокурый человек. Его красная шелковая рубашка, плотно обтягивающая немного пухлое, но рослое и красивое тело, ярко вспыхивала красными огоньками под солнечными пятнами, а голубые глаза смотрели ласково и лениво.

- А вы все ссоритесь! - таким же ленивым и ласковым голосом протянул он еще издали. - И о чем, ей-Богу!..

- Да вот, мама находит, что мне больше шел бы греческий нос, а я нахожу, что какой есть и слава Богу!

Санин сбоку посмотрел на свой нос, засмеялся и пожал пухлую широкую ладонь Новикова.

- Ну, еще что! - с досадой отозвалась Мария Ивановна.

Новиков громко и весело засмеялся, и круглое мягкое эхо добродушно захотало в зеленой чаще, точно кто-то добрый и тихий радовался там его веселью.

- Ну, я са-ам знаю... все о твоей судьбе хлопоты идут!

- Вот поди ж ты! - с комическим недоумением сказал Санин.

- Ну, так тебе и надо!

- Эге! - вскрикнул Санин, - если вы за меня в два голоса приметесь, так я и сбежать могу!

- Я сама, кажется, скоро от вас сбегу! - с неожиданной и, больше всего для нее самой, неприятной злобой проговорила Марья Ивановна, рывком дернула таз с жаровни и пошла в дом, не глядя ни на кого. Пестрый Милль выскочил из травы, поднял оба уха и вопросительно посмотрел ей вслед. Потом почесал носом переднюю лапу, опять внимательно посмотрел на дом и побежал куда-то в глубь сада по своим делам.

- Папиросы у тебя есть? - спросил Санин, очень довольный тем, что мать ушла.

Новиков достал портсигар, лениво изогнув назад свое крупное спокойное тело.

- Напрасно ты ее дразнишь, - с ласковой укоризною протянул он, женщина она старая...

- Чем я ее дразню?

- Да вот...

- Что ж "вот"?.. Она сама ко мне лезет. Я, брат, никогда от людей ничего не требовал, пусть и они оставят меня в покое...

Они помолчали.

- Ну, как живешь, доктор! - спросил Санин, внимательно следя за изящно-прихотливыми узорами табачного дыма, нежно свивавшегося в чистом воздухе над его головой.

Новиков, думая о другом, ответил не сразу.

- Пло-хо...

- Что так?

- Да так, вообще... Скучно. Городишко осточертел по самое горло, делать

нечего.

- Это тебе-то делать нечего? А сам жаловался, что вздохнуть некогда.

- Я не о том говорю... Нельзя же вечно только лечить да лечить. Есть же и другая жизнь.

- А кто тебе мешает жить и другой жизнью?

- Ну, это вопрос сложный!

- Чем же сложный?... И чего тебе еще нужно: человек ты молодой, красивый, здоровый.

- Этого, оказывается, мало! - с добродушной иронией возразил Новиков.

- Как тебе сказать, - улыбнулся Санин, - этого, пожалуй, даже много...

- А мне не хватает! - засмеялся Новиков; по смеху его было слышно, что мнение Санина о его красоте, силе и здоровье было ему приятно и что он слегка смущен, точно барышня на смотринах.

- Тебе не хватает одного, - задумчиво сказал Санин.

- Чего же?

- Взгляда настоящего на жизнь... Ты вот тяготишься однообразием своей жизни, а позови тебя кто-нибудь бросить все и пойти куда глаза глядят, ты испугаешься.

- Куда? В босяки? Хм!..

- А хоть бы и в босяки!.. Знаешь, смотрю я на тебя и думаю: вот человек, который при случае способен за какую-нибудь конституцию в Российской империи сесть на всю жизнь в Шлиссельбург, лишиться всяких прав, свободы, всего... А казалось бы, что ему конституция?... А когда речь идет о том, чтобы перевернуть надоевшую собственную жизнь и пойти искать интереса и смысла на сторону, сейчас же у него возникает вопрос: а чем жить, а не пропаду ли я, здоровый и сильный человек, если лишусь своего жалования, а с ним вместе сливок к утреннему чаю, шелковой рубашки и воротничков?... Странно, ей-Богу!

- Ничего тут странного нет... Там дело идейное, а тут...

- Что тут?

- Да... как бы это выразиться... - Новиков пощелкал пальцами.

- Вот видишь, как ты рассуждаешь! - перебил Санин, - сейчас у тебя эти подразделения!.. Ведь не поверю же я, что тебя больше гложет тоска по конституции, чем по смыслу и интересу в собственной твоей жизни, а ты...

- Ну, это еще вопрос. Может, и больше! Санин с досадой махнул рукой.

- Оставь, пожалуйста! Если тебе будут резать палец, тебе будет больнее, чем если палец будут резать у любого другого русского обывателя... Это факт!

- Или цинизм! - постарался Новиков сказать язвительно, но вышло только смешливо.

- Пусть так. Но это правда. И теперь, хотя не только в России, но и во многих странах света нет не только конституции, но даже и намек на нее, ты тоскуешь потому, что твоя собственная жизнь тебя не ласкает, а вовсе не по конституции! И если будешь говорить другое, то соврешь. И знаешь, что я тебе скажу, - с веселым огоньком в светлых глазах перебил сам себя Санин, - и теперь ты тоскуешь не оттого, что жизнь вообще тебя не удовлетворяет, а оттого, что Лида тебя до сих пор не полюбила! Ведь правда?

- Ну, это ты уже глупости говоришь! - вскрикнул Новиков, вспыхивая, как его красная рубашка, и на его добрых спокойных глазах выступили слезы самого

наивного и искреннего смущения.

- Какие глупости, когда ты из-за Лиды света белого не видишь!.. Да у тебя от головы до пят так и написано одно желание - взять ее. А ты говоришь - глупости!

Новиков странно передернулся и торопливо заходил по аллее. Если бы это говорил не брат Лиды, он, может быть, тоже смутился бы, но ему было так странно слышать именно от Санина такие слова о Лиде, что он даже не понял его хорошенько.

- Знаешь что, - пробормотал он, - ты или рисуешься, или...

- Что? - улыбаясь, спросил Санин.

Новиков молча пожал плечами, глядя в сторону. Другой вывод заключался в определении Санина как дурного, безнравственного, как понимал это Новиков, человека. Но этого он не мог сказать Санину, потому что всегда, еще с гимназии, чувствовал к нему искреннюю любовь. Выходило так, что ему, Новикову, нравился дрянной человек, а этого, конечно, быть не могло. И оттого в голове Новикова сделалось смутно и неприятно. Напоминание о Лиде было ему больно и стыдно, но так как Лиду он обожал и сам молился на свое большое и глубокое чувство к ней, то не мог сердиться на Санина за это напоминание: оно было и мучительно, и в то же время глуже приятно. Точно кто-то горячей рукой взялся за сердце и тихонько пожимал его.

Санин молчал и улыбался, и улыбка у него была внимательная и ласковая.

- Ну, придумай определение, а я подожду, - сказал он, - мне не к спеху.

Новиков все ходил по дорожке, и видно было, что он искренне мучится. Прибежал Милль, озабоченно посмотрел вокруг и стал тереться о колени Санина. Он, очевидно, был рад чему-то и хотел, чтобы все знали о его радости.

- Славная ты моя собачка! - сказал Санин, глядя его.

Новиков с трудом удерживался, чтобы не заспорить снова, но боялся, чтобы Санин опять не коснулся того, что больше всего на свете его самого интересовало. А между тем все другое, что приходило ему в голову, казалось пустым, неинтересным и мертвым при воспоминании о Лиде.

- А... а где Лидия Петровна! - машинально спросил он именно то, что хотел спросить, но чего спросить не решался.

- Лидя? А где ей быть... На бульваре с офицерами гуляет. В это время все барышни у нас на бульваре

С тоскливым уколom смутной ревности Новиков возразил.

- Лидия Петровна... как она, такая умная, развитая, проводит время с этими чугуннолобыми господами...

- Э, друг! - усмехнулся Санин, - Лидя молода, красива и здорова, как и ты... и даже больше, потому что у нее есть то, чего у тебя нет: жадность ко всему!.. Ей хочется все изведать, все перечувствовать... Да вот и она сама.. Ты только посмотри на нее и пойми!.. Красота-то какая!

Лидя была меньше ростом и гораздо красивее брата. В ней поражали тонкое и обаятельное сплетение изящной нежности и ловкой силы, страстно-горделивое выражение затемненных глаз и мягкий звучный голос, которым она гордилась и играла. Она медленно, слегка волнуясь на ходу всем телом, как молодая красивая кобыла, спустилась с крыльца, ловко и уверенно подбирая свое длинное серое платье. Путааясь шпорами и преувеличенно ими позванивая, за нею шли два

молодых, красивых офицера, в блестящих сапогах и туго обтянутых рейтузах.

- Это кто же красота, я? - спросила Лида, наполняя весь сад своею красотой, женской свежестью и звучным голосом. Она протянула Новикову руку и покосилась на брата, к которому все не могла приноровиться и понять, когда он смеется, а когда говорит серьезно.

Новиков крепко пожал ее руку и так густо покраснел, что на глазах у него выступили слезы. Но Лида этого не заметила, она уже давно привыкла чувствовать на себе его робкие благоговейные взгляды и они не волновали ее.

- Добрый вечер, Владимир Петрович, - весело и звонко щелкая шпорами и весь изгибаясь, как горячий веселый жеребец, сказал тот офицер, который был старше, светлее волосами и красивее.

Санин уже знал и то, что его фамилия была Зарудин, и то, что он ротмистр, и то, что он настойчиво и упрямо добивается любви Лиды. Другой офицер был поручик Танаров, который считал Зарудина образцом офицера и старался во всем подражать ему. Но он был молчалив, не очень ловок и хуже Зарудина лицом.

Танаров так же щелкнул шпорами, но ничего не сказал.

- Ты! - слишком серьезно ответил Санин сестре.

- Конечно, конечно... красота, и прибавь, неописанная! - засмеялась Лида и бросилась в кресло, скользнув взглядом по лицу брата. Подняв обе руки к голове, отчего выпукло обрисовалась высокая упругая грудь, она стала откалывать шляпу, упустила в песок длинную, как жало, булавку и запутала в волосах и шпильках вуаль. - Андрей Павлович, помогите!.. - жалобно и кокетливо обратилась она к молчаливому поручику.

- Да, красота! - задумчиво повторил Санин, не спуская с нее глаз.

Лида снова покосилась на него недоверчивым взглядом.

- Все мы здесь красавцы, - сказала она.

- Мы что, - блестя белыми зубами, засмеялся Зарудин, - мы только убогая декорация, на которой еще ярче, еще пышнее обрисовывается ваша красота!

- А вы красноречивы! - удивился Санин, и в его голосе неуловимо прозвучал оттенок насмешки.

- Лидия Петровна хоть кого сделает красноречивым! - заметил молчаливый Танаров, стараясь отцепить шляпку Лиды и дергая ее за волосы, отчего она и сердилась и смеялась.

- А и вы тоже красноречивы! - удивленно протянул Санин.

- Оставь их, - с удовольствием, неискренно шепнул Новиков.

Лида, прищурившись, посмотрела прямо в глаза брату, и по ее потемневшим зрачкам Санин ясно прочел:

- Не думай, что я не вижу, кто это такие! Но я так хочу! Это мне весело! Я не глупее тебя и знаю, что делаю!

Санин улыбнулся ей.

Шляпка наконец была отцеплена, и Танаров торжественно перенес ее на стол.

- Ах, какой вы, Андрей Павлович! - мгновенно меняя взгляд, опять жалобно и кокетливо воскликнула Лида, - вы мне всю прическу испортили... Теперь надо идти в дом...

- Я этого никогда не прошу себе! - смущенно пробормотал Танаров.

Лида встала, подобрала платье и, возбуждающе чувствуя на себе взгляды